

НЕВЕРНАЯ ЖЕНА

Наталия Полянская

18+

Наталия Полянская

Неверная жена

«Автор»

2011

Полянская Н.

Неверная жена / Н. Полянская — «Автор», 2011

ISBN 978-5-457-05213-0

Его наняли, чтобы вытащить из арабского плена благородную даму. Франки знают его под именем Даниэля, а сарацины называют Тайром, что на их языке означает «птица». Он ловок и быстр, но теперь растерялся, ведь судьба свела его со странной женщиной – женой родовитого рыцаря, которая стала беднее его самого, пережив предательство близкого человека и лишившись дома. А вот к счастью ли эта встреча – знают только пыльные дороги Палестины.

ISBN 978-5-457-05213-0

© Полянская Н., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наталия Полянская

Неверная жена

Глава 1

Неприятный сюрприз

*Палестина,
1187 год*

Внизу было очень много воздуха – словно огромная чаша, наполненная ночью, лежала долина, залитая лунным светом, и высились – будто бы совсем рядом – Самарийские горы. Ветер дул ровным потоком, прижимая к каменной стене, словно теплыми ладонями. Ночь только началась; скоро холод проникнет под куртку, зацарапается острыми коготками. Даниэль поставил ногу на камень, едва выступающий из стены, и замер, осторожно проверяя надежность опоры.

Тут ведь как, неверно поставил ногу – и сорвался. Стена высока и сложена не так давно, чтобы трещины помогли ночному визитеру вскарабкаться на самый верх за несколько минут. Этой стене всего-то лет тридцать, и засушливые ветры еще не сумели укротить ее. Гладко обтесанные камни плотно прилегают друг к другу, меж ними – крепкий раствор. Одно спасение – искать выемки, крохотные трещинки, что уже есть между оседающими камнями. Если сорвется нога, еще можно удержаться. А вот если соскользнут пальцы...

Перчатки из тончайшей кожи, стоявшие целое состояние (и потому Даниэль не стал их покупать, а попросту украл), были чуть велики, но это даже хорошо – рука движется свободно. Сапоги тоже дорогие, куртка прилегает плотно к телу, рубаха льняная и не шуршит, как шелк; а внизу воздух, много-много воздуха, и теплые токи поднимаются с земли, принося с собою запахи цветущего миндаля и коровьих лепешек. В ночи звуки разносятся далеко, и Даниэль слышал позвякивание меча в ножнах стражника, когда тот расхаживал туда-сюда по стене, вглядываясь в потемневший горизонт. Иша¹ отзвучала давно, и сейчас, должно быть, обитатели замка либо отправились спать, либо пьют вино – чем еще заняться в глухую ночь?..

Благословенная ночь, чудесная темная ночь священной Палестины; она равно укрывает своим покрывалом и праведников и грешников, и мусульман и христиан. И даже луна не помеха: только вставшая над горным хребтом, почти полная, серебристо-белая, она бросает лучи в долину, а эта стена тонет в чернильной мгле. Пальцы нащупывают очередной камень, и Даниэль перемещается немного... Вот так. Он перевел дыхание и вновь застыл, отдыхая. Малейшая оплошность может привести к гибели, а он еще слишком молод и удачлив, чтобы умирать так глупо.

Над головой снова звякнуло железо, донесся гортанный окрик, простучали шаги. Даниэль не разобрал, о чем говорят стражники, но это не имело значения – судя по неторопливым голосам, ничего страшного не произошло. Никто не заметил темную фигуру, прижавшуюся к стене в тени башни. Даст Господь, и не заметят.

Господь тут повсюду, неторопливо думал Даниэль, преодолевая очередной кусок пути. Это земля Господа, которого все понимают по-разному, – а Он все равно где-то здесь, любящий и в то же время равнодушный. Если Бог сотворил мир, то начинал он, наверное, в Палестине. Иначе чем объяснить, что земля эта довольно скудна, а битв за нее уже было столько, что и не

¹ <M%20>Иш<D%0>a – пятая, последняя из пяти обязательных ежедневных мусульманских молитв. Обычно совершается между заходом солнца и полуночью.

счесть? Люди проливают свою кровь в месте, где Христос проповедовал и призывал к любви, бьются за его Гроб, делят землю и Бога. О какой любви может идти речь?

Впрочем, бывают исключения. Из-за одного такого Даниэль и полз сейчас по стене.

Край уже был совсем близко, и за ним начиналось звездное небо. Даниэль замер, прислушался: стражник дышит у другой башни, второй ушел, значит, есть шансы, что никто не заметит. На стене не имелось факелов, которые только мешали бы охране разглядывать окрестности. Даниэль зацепился кончиками пальцев за край стены, подтянулся, заполз на нее, словно ящерица, и бесшумно спрыгнул вниз. Тут, у башни, лежала особо черная тень – как те чернила, которыми выводились строки в священных книгах. Даниэль прижался к каменной кладке уже спиной, чувствуя, как сердце бьется неровными толчками. Неясный силуэт вдалеке – стражник – смотрел в сторону гор, а потому Даниэля не заметил.

Вот и прекрасно.

Дверь в сторожевую башню была приоткрыта. Даниэль ввинтился в щель, откуда тянуло могильным холодом, и начал спускаться в кромешной тьме по истертым ступеням. Из-за очередного поворота лилось оранжевое сияние; пришлось остановиться. Так, это караульное помещение, и если повезет, тут все спят. Даниэль не слышал голосов. Он спустился еще на несколько ступенек и заглянул в квадратную комнату с узкими окнами – так и есть. На столе – остатки позднего ужина, в углу – брошенные арбалеты. Стражей всего двое, оба уснули, положив руки на стол и опустив лица.

Молодец Фарис.

Следует ли прихватить факел? Пожалуй, не стоит. В темноте Даниэль видел не хуже кошки, а факел сразу привлечет внимание. Обойдя стол, за которым сидели спящие, Даниэль вышел в дверь, имевшуюся в противоположной стороне. Отсюда лестница вела на этаж ниже, а с нижнего этажа – во внутренние помещения замка и дальше, в подвал. Внутрь замка Даниэль не пошел, начал спускаться.

В башне пахло камнем, жареным мясом со стола уснувших стражников и пылью, но чем ниже оказывался Даниэль, тем сильнее тянуло мокрым, плесневым запахом темниц. Темницы всего мира пахнут одинаково: тут вонь нечистот и пота, прогорклой еды и грязных крысиных шкурок; ко всему этому примешивается запах железа и тухлой древесины. Свежий воздух сюда почти не проникает. Даниэль задержался на миг, прежде чем окунуться в облако мерзких запахов. Он не любил темницы. Его вотчиной была свобода, спокойный простор гор и сухие голоса равнин.

Здесь тоже горели факелы. Массивная дверь, ведущая в коридоры, в которых располагались камеры, была открыта, и Даниэль негромко позвал:

– Фарис!

– Тише, друг мой.

Из-за грубой колонны выступил человек; в неверном свете его лицо казалось еще жестче и острее, чем на самом деле. У него были удивительные миндалевидные глаза цвета корицы, одной из самых дорогих пряностей Востока, тонкий нос и высокие скулы. Весь он был стремительный, словно черный скакун или дамаский клинок, и двигался бесшумно и резко.

– Ты вовремя.

– Что-то не так? – Даниэль вглядывался в полумрак коридора за дверью.

– Нет-нет. Пока все идет, как ты задумал. Но вот дальше пойдет по-другому.

Даниэль прищурился.

– Ее здесь нет?

– Она здесь, – спокойно сказал Фарис. – Здесь, как нам и сказали. Мало людей нынче в темницах крепости Ахмар. Кто проворовался, кто захотел больше долю, кто ударил товарища. И она.

Фарис говорил на франкском легко, ему вообще языки легко давались. Он владел двумя десятками наречий в той мере, чтобы объясниться с нужными людьми о нужных делах, и Даниэлю в нем это нравилось. Как нравилось безрассудство и умение держать слово. Сейчас Фарис его тоже сдержал.

– Тебя никто не подозревает?

– Подозревает? – Фарис приподнял угольные брови. – Какие подозрения, мой друг? Я воин Аллаха. Воинам здесь теплый прием и почет.

– Только не говори, что тут собрались истинные воины Аллаха.

– Тут собрались разбойники и убийцы, хотя сами они считают себя священными освободителями. Джабир ибн Кибир зол на Салах ад-Дина за то, что тот не признает его. Джабир посылал гонцов к владельцу Калат ар-Рабада, чтобы тот замолвил словечко перед султаном, но увы, увы.

Старый друг мог разглагольствовать долго, и Даниэль прервал его:

– Фарис, где она? Я хочу забрать ее и уйти.

– Ты забереешь... только подумай прежде. Посмотри и возвращайся. Будем говорить и решать.

Даниэль хмурился.

– Ты не желаешь объяснить мне, в чем суть?

– Ты должен увидеть сам. Ее темница самая последняя в коридоре, ведущем направо. Больше никого нет, – Фарис показал. – Туда. Я останусь здесь. Атамынна ляка аттауфик².

– Шукран³, – пробормотал Даниэль, снял перчатки, сунул их за пояс и пошел в указанном направлении.

Его не интересовало, есть тут охранники или нет – наверняка были, но Фарис их всех успокоил. Фарис был мастером своего дела и за две недели, что провел в крепости Ахмар, не терял времени. Теперь он чувствует себя тут уверенно, как дома (любопытно, где его настоящий дом?..), а Даниэль знает, что спина прикрыта.

В темницах воняло, как в свинарнике. Хуже, пожалуй. Факелы горели только в начале и в конце коридора – незачем тратить огонь на заключенных, – многие решетки распахнуты, за ними – озерца могильной тьмы. Тихое шуршание и попискивание свидетельствовало о присутствии крыс, что-то искавших в гнилье. В тюрьмах Франции на пол, бывает, кидают солому, которая прееет годами, а здесь, ввиду бесплодности простиравшихся вокруг гор и равнин, стелили доски или просто бросали тряпье на камни. Доски прочнее соломы и не меняются десятилетиями. С годами в них заводится всякая дрянь, древесина начинает издавать резкий запах, а тряпки гниют и кишат насекомыми. Часто в темницы заползают змеи; Даниэль увидел одно блестящее тельце на костях, белеющих в полумраке у дверей одной из камер. Змея не пошевелилась, когда он прошел мимо.

Если пленницу все время держали здесь, тогда намеки Фариса могут обернуться... сумасшествием. В подобных условиях даже взрослый мужчина может потерять рассудок, что уж говорить о слабой женщине. Это Даниэль тоже учитывал и имел на сей счет распоряжения. Конечно, убивать женщин – гнусное дело, но бывают случаи, когда это наилучший выход. Если она сошла с ума, Господь простит Даниэля и примет ее душу на небесах. Все будет хорошо.

Где-то капала вода, и этот монотонный звук, тоскливый и безнадежный, показался Даниэлю звуком самого времени. Каково это – день за днем проводить в темнице, не видеть солнечного света, не слышать веселых людских голосов? Даниэль помнил, но не хотел вспоминать сейчас. Он прошел мимо открытых ртов всех камер в коридоре и остановился перед последней, единственной запертой здесь. На стене чадил факел, и оттого можно было как следует

² Желая удачи (араб.).

³ Спасибо (араб.).

все осмотреть. Массивный замок на вид внушительен, но поддастся умельцу быстро. Решетка крепкая, однако ломать ее не придется. Даниэль взялся руками за прутья и взгляделся в камерную полутьму.

Грязный пол, вонючее ведро в правом углу и груда тряпок – в левом. Приглядевшись, Даниэль увидел в тряпичной куче волосы и понял: это женщина. Она лежала спиной к нему, накрывшись чем-то вроде одеяла, и не шевелилась. Неподалеку, в нише, где стояла глиняная миска с остатками еды, сидела крыса и умывалась, ловко орудуя маленькими лапками.

Тишина. Капли.

– Леди Александра! – негромко позвал Даниэль.

Она не шевельнулась.

– Леди Александра! – повторил он громче. Если верить Фарису – а кому верить, как не ему! – тут никого нет поблизости, и значит, никто не услышит. – Проснитесь!

Спутанные волосы дрогнули. Женщина зашевелилась, выпростала из-под тряпок худую руку и зашарила в воздухе, как будто отгоняла призраков. Даниэль нахмурился: кажется, он был прав в своих предположениях. Что ж, он откроет замок, и потом...

Додумать он не успел. Женщина приподнялась, села и неловко обернулась, сбрасывая с себя тряпки, и тут, когда она попыталась встать, придерживая большой живот, Даниэль понял, в чем состояла сложность Фариса.

И беззвучно выругался.

Глава 2

Ночная крепость

Подняться ей удалось не сразу. Она встала, пошатываясь и опираясь рукой о стену, с трудом устояла на ногах и посмотрела на Даниэля из-под спутанных волос, когда-то бывших белокурыми.

– Кто вы? – спросила она шепотом. – Откуда?..

«Не сумасшествие», – подумал Даниэль с облегчением и досадой. С облегчением – потому, что теперь ее не нужно убивать. С досадой – потому, что лучше бы сумасшествие, пожалуй.

– Вы можете подойти ближе? – ответил он тоже шепотом. Кричать в подземельях не следовало.

Она кивнула, сделала несколько шагов и вцепилась в решетку с другой стороны. Свет очертил ее лицо с глубоко запавшими глазами и фигуру, затянутую в слишком тесное платье, когда-то бывшее зеленым, а теперь ставшее серым.

– Леди Александра, – сказал Даниэль, глядя в ее грязное лицо, – вы меня понимаете?

– Конечно, – сказала она.

Не испугалась, не удивилась, ничего такого. Наверное, это тюремное отупение, когда человеку становится все равно, что с ним будет дальше; Даниэль помнил это.

– Меня прислал ваш супруг, Гийом де Ламонтань. – Он старался говорить четко и медленно, чтобы слова доходили до нее лучше. – Я должен увести вас отсюда.

– Мой супруг... – Леди Александра покачала головой. – Я ждала... я думала, что он придет и спасет меня раньше. Или заплатит выкуп...

– Никто не просил за вас выкупа, – объяснил Даниэль. – Граф де Ламонтань не знал, где вы, и лишь три недели назад ему стало это известно.

– Почему он не пришел сам? – шепотом спросила леди Александра. По-франкски она говорила гладко, будто вышивала гобелен.

– Он не умеет карабкаться по стенам, а я умею. Меня зовут Даниэль, и я должен увести вас отсюда. – Он остановился. Весь первоначальный план летел к черту. – Только прежде... Мне нужно посоветоваться с другом.

– Не уходите! – вскрикнула она и вцепилась в его руки, когда он сделал попытку отойти от решетки. Глаза ее вспыхнули огнем. – Вы не снитесь мне? Вы вправду тут?

– Я настоящий, леди Александра.

Она нервно улыбнулась и облизнула потрескавшиеся губы.

– Вы и вправду посланник моего мужа. Он сказал вам, как меня называли.

– Вас и сейчас так зовут. – Даниэль высвободил руки. – Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Не надо бояться.

– Я больше не могу бояться, – сказала она спокойно и искренне. Даниэль не позволил себе поддаваться этому тону.

– Я вернусь через несколько минут.

Оставив ее стоять у решетки, он быстрым шагом пошел обратно. Змеи на костях уже не было, отправилась ползать во тьме. Даниэль чувствовал, как леди Александра смотрит ему вслед, но не обернулся, потому что не знал, вернется ли.

Фарис ждал, прислонившись к косяку двери и скрестив на груди руки.

– Посмотрел? – спросил он негромко.

- Илли аиз иль-йарда лязим итхаммил шайук⁴, – сказал Даниэль. – Это непросто.
- Весь твой план идет шелудивому псу под хвост, – заметил Фарис. – Ты не сможешь спуститься с ней по стене. Ты удержал бы ее, но она сама не сможет за тебя держаться.
- Это верно.
- Она слишком слаба.
- Мы думали об этом.
- Но не так. Есть еще одна сложность. Что скажет граф?
- Граф велел нам привести его жену живой, если она не утратила разум. Он без памяти в нее влюблен, как мне сказали. А она разум не утратила.
- Она только носит под сердцем ребенка, который никак не может принадлежать графу.
- Это не наша с тобой забота, друг мой.
- Фарис пожал плечами; судя по всему, он был согласен.
- Стену можно было бы преодолеть, но потом вам придется долго спускаться, и склон она не осилит. – Он хитро улыбнулся. – Что бы ты делал без меня, саиб?⁵ Убил бы ее из милосердия?
- Ты знаешь выход, – Даниэль не спрашивал, а утверждал.
- Конечно. Я знаю теперь эту крепость, как тело возлюбленной, и поверь, все не так сложно, как может показаться. И мне хочется получить вторую часть награды. Потому открывай замок, бери женщину и иди за мною.
- Ты уверен, Фарис?
- Я знаю, что делать.
- Даниэль кивнул и пошел обратно, зачем-то считая шаги.
- Леди Александра так и стояла, вжавшись всем телом в решетку и вглядываясь в темноту; когда из теней возник Даниэль, она снова попыталась улыбнуться.
- На миг я все-таки подумала, что вы приснились мне. Вы один из рыцарей Гийома? Я не помню вас.
- Даниэль понимал, что ей хочется поговорить, но не собирался этого делать.
- Прошу вас, тихо. Сейчас мы выйдем отсюда, и ни слова больше. Будете делать то, что я скажу. Да?
- Да, – сказала она шепотом и сжала губы, словно опасаясь, что слова сорвутся с них против ее воли.
- Даниэль достал отмычки. Для женщины вроде графини де Ламонтань это был всего лишь набор гнутых железок, но знающий человек непременно бы цокнул языком и уважительно покачал головой. Отмычки у Даниэля были прекрасные. Он сам их сделал, потратив на это много времени, и мог положиться на них, как на свои собственные пальцы. Возня с замком заняла около минуты; запирался он, по всей видимости, грубым ключом, и главная сложность состояла в том, чтобы зацепить собачку и повернуть ее, не сломав, так как поворачивалась она туго. Наконец замок щелкнул, и часть решетки отошла в сторону. Даниэль шагнул в камеру.
- Крыса все так же сидела у миски, обнюхивала остатки еды. Что делают люди, крысу совершенно не интересовало.
- Леди Александра, – сказал Даниэль, обращаясь к ней так, чтобы она чувствовала себя в безопасности (это была пока неправда, но женщину следовало обмануть), – вы можете идти? У вас есть обувь?
- Мои туфли вполне годятся, их не отобрали, – прошептала она, – и я могу идти. Я ходила по комнате каждый день. Много.

⁴ Кто хочет розу, должен терпеть шипы (*араб.*).

⁵ Верный (*араб.*). В данном случае – обозначение близкой дружбы.

Только благородная, воспитанная жена рыцаря способна назвать вонючую темницу комнатой.

– Хорошо, – сказал Даниэль, склоняясь к женщине, – тогда я расскажу вам, как мы сейчас поступим. Нас ждет мой напарник. Он выведет. Вы должны слушаться нас обоих беспрекословно. От этого зависит ваша жизнь, понимаете?

Леди Александра снова криво улыбнулась.

– Конечно, сэра Даниэль. И я буду молчать.

– Вы можете звать меня просто Даниэль. И вы должны позволить мне касаться вас. Возможно, придется вас нести.

– Вы вольны делать все, что угодно.

– Не все, – вздохнул он и взял ее под руку.

Женщина была невысокая, ниже его на голову, и, хотя двигалась немного неуклюже и слегка переваливаясь, как утка, шла довольно быстро. Это понравилось Даниэлю. Если путь, который знает Фарис, пригоден, шансы уйти все-таки есть.

Друг ждал, держа факел, и поклонился возникшим из темноты двум теньям.

– Госпожа, следуйте за мною.

Леди Александра кивнула. Невозможно было разобрать, какое у нее выражение лица – грязь очень мешала, – но Даниэль чувствовал ее сосредоточенность. У нее была горячая рука и маленькие цепкие пальцы, державшиеся за его рукав. Если такая женщина сохранила разум за десять месяцев плена, можно понять, отчего граф де Ламонтань, владелец фьефа близ Иерусалима, так хочет вернуть ее.

Наверное, он действительно от нее без ума.

«Моя жена привыкла, что ее называют леди Александра, – сказал он Даниэлю, когда они встретились, чтобы обговорить условия. – Она родом из Англии, хотя происходит из франкской семьи, пришедшей на остров следом за Вильгельмом Завоевателем. Обращайтесь с нею почтительно, она утонченная дама».

Даниэль тогда покивал, пообещал, что, конечно же, будет почтителен, хотя про себя отметил: он станет обращаться с англичанкой так, как потребует для ее спасения. Однако граф оказался прав: с такой женщиной невозможно держать себя грубо, и Даниэль собрал все остатки учтивости, о которых помнил еще.

В свободе пустыни и гор учтивость не нужна. К кому ее проявлять? К птицам и животным? К диким кочевникам? Он для такого не годился.

– Сюда, – сказал Фарис.

Они поднялись по лестнице на этаж выше. Отсюда длинный и извилистый, как кишка, коридор вел внутри стены, насколько Даниэль помнил план крепости, к оружейной и трапезной для прислуги. Двери по бокам – крохотные, тесные комнатухи стражников, большинство из которых спит. Крепость Ахмар была построена так, словно перерастала в скалу, а может, это из скалы и выплеснулись крепостные неприступные стены. Тут пахло сыростью и тянуло из далекой трапезной запахом подгорелого мяса. Даниэль заметил, что леди Александра сглотнула.

Они прошли около половины коридора, когда впереди послышались шаги и голоса; леди Александра вздрогнула, а Фарис, оглядевшись, быстро сказал:

– Сюда.

Он вставил факел в скобу на стене, уверенно распахнул крохотную дверь; пришлось пригнуться, чтобы войти. Это оказалась кладовая, где стояли один на другом грубые деревянные сундуки, окованные железом. Фарис закрыл дверь, оставив крохотную щель, и встал у стены; Даниэль увидел, как в руке напарника лунным светом блеснул кинжал. Леди Александра дрожала, и Даниэль осторожно обхватил ее плечи рукой, разворачивая и прижимая к себе. Женщина уткнулась лицом в его льняную рубаху.

Люди в коридоре прошли мимо, громко болтая и смеясь; теперь Даниэль разобрал, о чем они говорят – о длинной ночи, хорошем вине и заднице кухарки Вахиды. Через минуту шаги затихли. Фарис подождал еще немного, для верности, а потом открыл дверь и сделал знак снова следовать за ним.

Больше никто им не встретился. У самой оружейной от коридора ответвился еще один проход, темный и низкий, и Фарис пошел туда. Коридор закончился круглой комнатой. Даниэль огляделся и сообразил, что сейчас они должны находиться под самой маленькой башней, что обеспечивает крепости хороший обзор юга. В стенах комнаты было три двери, все закрытые. Фарис указал на крайнюю левую.

– Вот здесь есть ход. Лестница. Она выводит к берегу озера Шаар. Выход прямо под водопадом. Там никого нет.

– От озера далеко до того места, где я оставил лошадей, – сказал Даниэль.

– Вам придется дойти.

Даниэль отпустил леди Александру, снова достал отмычки и склонился к замку. Фарис поднес факел поближе, и на пол упало несколько черных капель горелого масла.

– Я не уверен, что она выдержит, – сказал Даниэль по-арабски, не прекращая возиться с замком.

– Я тоже. Стоит ли идти на такой риск?

– Награда велика.

– Жизнь ценнее денег, саиб. Если ты хочешь рискнуть, рискни. Если нет, я пойму тебя.

– Когда ее могут хватиться?

– Не раньше вечера. Ее давно уже не водят в верхние покои и кормят раз в день. Совсем не то, что годится благородной даме в таком положении.

От факела несло горелым. Замок тихо шелкнул, и Даниэль приоткрыл дверь – за нею был провал в черноту и неизвестность.

– Лестница длинная?

– Двести ступеней. В конце будьте осторожны, там расщелина. Я хотел бы верить, что все получится.

– Встретимся в Аджлуне через неделю, – сказал Даниэль и обратился к леди Александре по-франкски: – Пора идти. Мы будем спускаться по лестнице.

– Хорошо, – прошептала она и посмотрела на Фариса. – А вы не пойдете с нами?

Тот покачал головой.

– Нет, госпожа. Я должен остаться здесь, меня могут хватиться, а шум нам ни к чему. Если мой командир не увидит меня утром, то заподозрит что-то. Я останусь, и у вас будет время для того, чтобы уйти далеко. Уже вечером вы воссоединитесь с супругом.

– Спасибо, – пробормотала леди Александра и повторила по-арабски: – Шукран.

– Госпожа говорит на нашем языке! – восхищенно улыбнулся Фарис.

– Всего несколько слов.

– Нам пора идти, – повторил Даниэль. Разговоры его раздражали. Фарис делает стойку при виде любой женщины, словно охотничий пес при виде дичи.

Леди Александра подала Даниэлю руку, Фарис отдал факел, и дверь медленно затворилась за ними.

Глава 3

Дорога к свободе

Лестница оказалась грубой, с необтесанными ступенями, так что приходилось идти осторожно. Даниэль шел впереди и чуть боком, освещая путь и держа за руку женщину. Лестница вилась, как змея, и временами приходилось нагибаться низко, чтобы не удариться головой о выступы. Крепость Ахмар строили давно, какое-то время она стояла бесхозная, а потом сюда вселились разбойники под предводительством Джабира ибн Кибир, величавшего себя эмиром. Кроме него, этот титул никто не признавал. Рано или поздно кто-то из верных слуг Салах ад-Дина прихлопнет это осиное гнездо, но пока у султана полно дел в других местах.

Леди Александра молчала и дышала тяжело; Даниэль отдавал себе отчет в том, что ей нелегко приходится, но ничего не мог с этим поделать. Будет большой удачей оставить с носом Джабира и убраться отсюда до того, как тот хватится своей пленницы. Лошади спрятаны в небольшой рощице, укрытой среди предгорий, и Даниэль оттуда добирался пешком до крепости два часа. Ночь еще не достигла середины, а потому шансы есть. Сколько займет путь от озера? Три часа? Четыре? К тому моменту, как звезды побледнеют, нужно оказаться в роще, иначе беглецов могут заметить с дороги. Очень неудобно стоит эта крепость, не для хорьков вроде Даниэля.

Леди Александра споткнулась и едва не упала на него, но он вовремя ее подхватил.

– Осторожнее.

Она только кивнула, ничего не сказав.

Лестница закончилась у обещанной расщелины, и Даниэль помог женщине перебраться на другую сторону. Они оказались в пещере, словно занавешенной туманным покрывалом: это падал со скалы небольшой водопад. Тут веяло свежестью, и леди Александра глубоко вдохнула, наслаждаясь свободой.

– Я думала, что никогда оттуда не выйду.

– Так могло случиться, – согласился Даниэль, – если бы ваш супруг не узнал, где вы.

– А как он узнал?

– Случайно, от бывшего стражника этой крепости, который услышал, что Гийом де Ламонтань по-прежнему ищет супругу. Граф заплатил ему много денег, и тот рассказал, что вас держат в темнице. После чего граф заплатил мне.

– Так вы не один из его рыцарей?

Даниэль промолчал. Водяная стена была уже совсем близко, и, отпустив руку леди Александры, он пошел вперед, чтобы выяснить, как выбраться отсюда. Рядом с падающими мощными струями вдоль скалы вилась узкая тропинка, и Даниэль придирчиво ее осмотрел. Сгодится.

– Ступайте осторожно, здесь мокро.

Леди Александра была само совершенство: не жаловалась, даже не пискнула, пробираясь по ненадежной тропе под лунным сияющим водопадом. Один раз она, оступившись, пошатнулась, но Даниэль прижал ее к скале и спас от неминуемого падения в озеро. Когда они достигли берега, женщина дрожала, но по-прежнему не изрекла ни слова упрека или недовольства.

– Вы очень храбрая, – сказал ей Даниэль, чтобы подбодрить. – Сядьте. Мы немного отдохнем.

Леди Александра опустилась на плоский камень и перевела дух. Даниэль отвернулся, чтобы не смотреть на нее. Она его смущала. Во-первых, благородная дама, во-вторых, она в положении, и разглядывать ее неприлично. Хотя о каких приличиях может идти речь сейчас, когда задан вопрос жизни и смерти?

Даниэль огляделся. Озеро Шаар, небольшое, вытянутое, лежало в каменной впадине у южного подножия горы, на которой возвышалась крепость, не видная отсюда. Водопад казался в лунном свете размытой полосой жидкого серебра, и летящая сверху вода разлеталась миллионами брызг. Должно быть, днем здесь висит радужное облако.

- «Шаар» значит «волосы», – произнес Даниэль. – Водопад и вправду похож на них. Да?
- Вы не ответили на мой вопрос, – сказала леди Александра.

Даниэль усмехнулся. Она упряма. Вполне возможно, именно упрямство помогло ей выжить.

- Я не рыцарь вашего супруга.
- Кто же вы тогда?
- Я вор, госпожа. Меня наняли, чтобы вас украсть.
- Леди Александра помолчала, прежде чем продолжить.
- Но вы так хорошо говорите. Правильно.
- Я научился. И я не люблю вопросов о себе. Отдохните, и мы пойдем дальше.
- Нам долго идти?
- Несколько часов. Вы сможете?
- Я не знаю, но буду идти, пока смогу.
- Хорошо.
- Я хотела бы умыться. Помогите мне спуститься к воде.

Даниэль исполнил просьбу и отошел в сторону, чтобы не смотреть, как женщина будет это делать; она наверняка смутится, если случайный знакомый увидит ее обнаженные руки или ступни. Чтобы не терять времени зря, Даниэль поднялся чуть выше по берегу и прикинул, как идти дальше; по всему выходило, что придется обогнуть крепость по дуге, пользуясь вон той впадиной, а уж затем выбраться и направиться напрямик к роще. Крюк довольно большой, но для дерзких нет ничего невозможного. Луна постепенно уходила за горы, и по долине тянулись длинные языкатые тени. То, что необходимо для беглецов.

Когда Даниэль возвратился, леди Александра сидела на том же камне и пыталась расчесать спутанные волосы пальцами; ее умытое лицо еще было влажным, и кожа казалась молочно-белой в свете луны.

- Я должен задать вам вопрос, который может показаться оскорбительным, – резко произнес Даниэль, – но вы же понимаете, что я не могу не спросить. Когда ваш срок?

Она покраснела – это было видно даже в полутьме.

- Я... не знаю точно, – запинаясь, ответила леди Александра. – Я сбилась, считая дни. Думаю, не сейчас.

– Понадеемся на это, – буркнул Даниэль, отворачиваясь. Он не любил вникать в подобные дела и чувствовал себя неловко, если вникать все-таки приходилось.

Это заботы женщин – вынашивать детей, подставлять грудь под жадный рот младенца, пеленать и шить рубашонки. Дело мужчины – воспитать сына так, чтобы он умел достойно делать свою работу, а дочь так, чтобы она знала о чести. Даже если ты распоследний крестьянин, это не значит, что чести у тебя нет.

У Даниэля честь определенно имелась. Странная, ни на чью больше не похожая, но была ведь.

Согласно законам этой чести, леди Александру следовало доставить мужу как можно скорее. Что делать с нею дальше, решит законный супруг, а пока необходимо, чтобы она к нему добралась. Этим Даниэль и собирался заняться, пусть даже полдороги ему придется тащить ее на руках. И черт с тем, что она его смущает.

Его давно уже не смущали женщины, но эта была какая-то не такая. Она выжила в разбойничьем притоне (назвать крепость Ахмар военной крепостью – значит сильно польстить)

и сохранила при этом рассудок. Гийом де Ламонтань не выглядел без памяти влюбленным, но он ее определенно любил, иначе бы не платил таких денег за то, чтобы жену ему возвратили.

– Вы можете мне сказать, как поживает мой супруг? – спросила леди Александра, словно прочитав мысли Даниэля. – Здоров ли он? Не ранен?

– Граф выглядел здоровым, когда беседовал со мной, – сухо ответил Даниэль, поворачиваясь к ней. – Он только беспокоился о вас.

Ее лицо просветлело.

– Я тоже... думала все время, как он и что делает, и ищет ли меня. Только моя любовь к нему помогла мне продержаться все это время.

– Мадам, вы готовы идти?

– Да, – она тяжело поднялась. – Готова. Я могу опереться на вашу руку? Так будет проще.

Сначала все шло неплохо. Даниэль шагал неторопливо, примеряясь к шагу леди Александры, а она его не подвела, старалась изо всех сил. Он помогал ей идти, поддерживал, когда спуск или подъем становился особенно крут, и не давал споткнуться и упасть. Она видела в темноте гораздо хуже его, несмотря на то что долго просидела в темнице. Даниэль неплохо знал местность, а потому шел, выбирая самый короткий и удобный путь, обходя открытые пространства и узкие тропы, где мог пробраться лишь взрослый ловкий мужчина. Местность была изрезана оврагами, на дне которых шуршал песок. Здесь почти ничего не росло, редкие кусты деревьев начинались ближе к горам.

Один раз леди Александра попыталась заговорить, но Даниэль прервал ее:

– Лучше молчать.

– Нас может кто-нибудь услышать? – спросила она шепотом.

– Вряд ли. Поберегите дыхание.

Она послушалась, и дальнейший путь проходил только под песочное шуршание.

Луна окончательно провалилась за горы, погрузив долину во тьму, и роскошный небосвод поворачивался над беглецами. Иногда Даниэль останавливался, чтобы дать леди Александре передохнуть несколько минут, и она сидела, запрокинув голову, тяжело дыша и глядя в небо. Яркий блеск южных созвездий казался сиянием драгоценностей в открытом сундуке. В их тиши и величии было необъяснимое благородство, Господень дар неразумным людям, которые смеют проливать кровь и творить мерзкие вещи под взглядами этих звезд. Казалось, посмотри на них подольше – и грехи спишутся, а жизнь изменится неотвратимо.

Стоило опустить голову – и оказывалось, что до Царства Небесного еще идти и идти.

Леди Александра начала уставать на исходе второго часа пути. Она шла все медленнее и в какой-то момент остановилась. Даниэль остановился тоже.

– Подождите, – шепнула она, задыхаясь, – я не могу так быстро идти.

– Скоро рассвет. – Даниэль не видел отсюда восточного края неба – его сейчас загораживала часть горного хребта с затерявшейся на нем крепостью Ахмар, – но чувствовал его. – К тому времени мы должны оказаться в роще, где я укрыл лошадей.

– Там будет нас ждать Гийом? – с надеждой спросила леди Александра.

Даниэль покачал головой.

– Нет. Ваш супруг встретит вас следующей ночью, недалеко от перекрестка и деревушки Рабиун. – Это название совершенно точно ничего ей не говорило, и пришлось пояснить: – Мы находимся на землях сельджуков. Здесь везде власть мусульман, и вассалы Иерусалимского королевства не смеют появляться тут. Рабиун – ближайшее место, куда может приехать ваш супруг, чтобы забрать вас. Все равно придется таиться. Тут неспокойно. Говорят, Салах ад-Дин скоро пойдет в наступление.

– Я ничего не знаю о том, что творится в Палестине, – вздохнула леди Александра.

– Я расскажу вам. Позже. Сейчас надо идти.

– Я не могу, – сказала она жалобно. – Я очень устала.

– Надо идти, госпожа. Иначе наступит день, и нас непременно кто-нибудь заметит. Здесь не пустыня, неподалеку проходит дорога на Аджлун. Если головорезы Джабира утром поймут, что вы исчезли, нас будут искать от Галилейского моря⁶ до Мертвого.

Леди Александра встала и пошла – намного медленнее, чем раньше, но все-таки пошла. Оставалось около часа пути.

Через полчаса Даниэль понял, что идти она больше не может.

Не говоря ничего, он подхватил леди Александру на руки и понес, стараясь ступать осторожно, чтобы неверный камень не поехал под ногой. Падать самому и ронять ценную добычу – глупее не придумаешь. Леди Александра тоже не произнесла ни слова; она обхватила руками его шею и положила голову на плечо, и Даниэлю показалось, что она дремлет.

Она оказалась легкой, легче, чем он предполагал, даже несмотря на беременность, как будто у нее были не человеческие, а птичьи кости. Подумав об этом, Даниэль еле заметно улыбнулся. От женщины пахло немытым телом и грязным тряпьем, но сама она была такая настоящая и живая, что на какой-то миг он сильно за нее испугался.

У него давно не было такой женщины, за которую следовало бы бояться.

И эта ему не принадлежит.

Даниэль немного позавидовал графу де Ламонтаню, хотя зависть в данном случае была делом абсолютно бесполезным. Слишком велико расстояние между Даниэлем и графом и тем, что принадлежит им обоим, – как от этой сухой земли и до самого неба, с которого смотрит Господь. В Палестине постоянно чувствуешь себя под пристальным взглядом Бога. Даниэль нес женщину на руках, а Бог молча глядел сверху.

Помог бы хоть.

Господь помог, как умел: никто не встретился по пути, никто не гнался за беглецами, и уже замаячила впереди роща. Даниэль пошел быстрее, и леди Александра зашевелилась у него на руках.

– Тише, – сказал он ей в спутанные волосы.

Она ни слова не произнесла и снова положила голову ему на плечо.

Роща – терпентинные деревья и можжевельник – встретила Даниэля и его добычу сумраком и приятным древесным запахом. Лошади никуда не делись, оживились при виде людей, затанцевали. Даниэль аккуратно опустил леди Александру на скудную траву и пошел гладить животных. Его конь фыркал, тыкался узкой породистой мордой, раздувал черные ноздри; гнедая кобылка, выданная графом из его личных конюшен, вела себя поспокойнее.

– Леди Александра, – негромко произнес Даниэль, не оборачиваясь и проводя ладонью по бархатному конскому носу, – нам придется некоторое время ехать верхом. Я не заставлю лошадей скакать галопом, но если мы не уберемся отсюда очень быстро, нас обнаружат. Да?

– У нас ведь нет выбора, – сказала она устало.

Даниэль отпустил повод, подошел к женщине и помог ей подняться.

– Идемте, я познакомлю вас с лошадей. Ее зовут Айша, и ваш супруг дал мне ее, чтобы она привезла вас. Он говорил, вы прекрасная наездница.

– Так было, – согласилась она, – но теперь...

– Все будет хорошо, – уверил ее Даниэль.

– А это ваш? – Леди Александра указала на коня, выглядевшего глыбой мрака.

– Да. Его имя Джанан.

– Что это значит?

– У этого слова много значений. Самые важные – «душа» и «сердце».

⁶ <M%20>Галилейское мор<D%0>е – другие названия: Тивериадское озеро, Кинерет.

Она кивнула, подошла к своей кобылке и обхватила руками ее шею, нашептывая ласковые слова. Айша слушала, фыркала и пыталась зажевать ободранный рукав платья.

Даниэль молчал, глядя на это. Совершенно определенно требуется новый план – верхом женщина далеко не уедет. Что ж, придется приспособиться. Он придумал, что станет делать, и, прерывая ритуал знакомства леди Александры с лошастью, сказал:

– Я помогу вам сесть. Мы должны торопиться. Пожалуйста.

Женщина кивнула, и Даниэль без особых усилий поднял ее и помог устроиться в седле. Оно, к счастью, было предназначено для дамы – удобное мягкое сиденье, и леди Александра осторожно поставила ноги на планшеты⁷. Убедившись, что с ней все в порядке и она не упадет, Даниэль отвязал лошадей, вскочил на Джанана и взял в руку поводья Айши.

– Я могла бы ехать сама, – негромко заметила леди Александра.

– Нет.

Она пожала плечами. Даниэль тронул пятками бока Джанана, и лошади легкой рысью вышли из рощицы под светлеющее небо.

⁷ Планшеты – в конструкции тогдашнего дамского седла – специальная приступка, на которую женщины ставили ноги.

Глава 4

День

Раскаленное солнце выкатилось на небо, как оброненное слугой золотое блюдо, и ударило лучами наотмашь. Даниэля всегда восхищала стремительность рассветов и закатов Палестины. Тьма здесь наступала в считанные минуты, но и день приходил быстро, как будто не мог терпеть больше и старался как можно скорее сменить собой ночную тишь. Все сразу же изменилось: горы, только что выглядевшие размытыми пепельными силуэтами, оказались серыми громадинами в теневых провалах там, где вились ущелья; над равниной, переходившей в пустыню, задрожал горячий воздух, рождая миражи; стало труднее дышать, и сильно пекло голову. Даниэль достал из седельной сумы две свернутых полосы ткани, одной обернул собственную голову, вторую протянул леди Александре.

– Сделайте так же.

Она молча соорудила на голове подобие тюрбана, оставив длинный льняной язык, и хрипло спросила:

– У тебя есть вода?

– Она есть и у вас. – Даниэль указал на седло: – Вон там привязана фляга.

Леди Александра отвязала небольшой кожаный бурдюк и торопливо напилась. Даниэль смотрел, как двигается ее горло.

– Не пейте все сразу, – предупредил он.

– Хорошо. – Она мучительно шурилась. – Я... отвыкла от света. От пустыни.

– Закройте лицо, чтобы не глотать пыль.

Она послушалась; теперь поверх повязки сверкали только глаза, и Даниэль впервые различил их цвет. Голубые, как волны моря в спокойный день, и лучистые – вода на мелководье, от которой бегут по песку юркие золотые тени.

– Мы будем ехать некоторое время, – сказал Даниэль. – Потом остановимся. Я отлучусь. Вам нечего больше бояться, опасность удаляется с каждым шагом наших коней.

– Ты так красиво говоришь для вора, – сказала леди Александра. – Ты приплыл сюда из Франции искать свое счастье?

Даниэль молча развернул Джанана и пустил лошадей рысью.

Леди Александра быстро возвращается к жизни – вон и заговорила, как королева. Даниэль видел нынешнюю королеву Иерусалимскую однажды и был поражен ее красотой, нежной статью и голосом, который иногда лился, словно мед, а в другое время звенел, будто дамасская сталь. Если леди Александра даже сейчас, после десяти месяцев разбойничьего плена, так хороша и может говорить так мягко, то какова же она была раньше и какою будет снова? Ничуть не хуже Сибиллы Иерусалимской. Даниэль все сильнее понимал Гийома де Ламонтаня, который дает столько золота за возвращение жены.

Да она стоит больше этой суммы во много раз. Даниэль умел видеть и ценить настоящих женщин.

Он решил говорить с нею как можно меньше. Ей на самом деле все равно, кто он такой, и думает она о муже, с которым так долго не виделась и хочет воссоединиться вновь. Даниэль мало знал о леди Александре; граф де Ламонтань скуп поведаль лишь, что она приплыла к нему для заключения брака из Англии, что в супружестве они состояли три года до ее похищения и что она редкостная красавица. Сейчас она слишком устала и была измождена, чтобы в полной мере оценить ее красоту, однако Даниэль видел по ее движениям, слышал в ее словах привычку нравиться и повелевать. Он молил Господа, чтобы никто этого больше пока не заметил.

Он ехал так, чтобы избегать больших дорог. Лошади были хороши, шли легко и ровно, и леди Александра неплохо держалась на спине Айши. Солнце било по земле с ожесточенностью, достойной умелого истязателя, по лицу струился пот, мелкая пыль лезла в глаза. Тут и там на камнях мелькали стремительные росчерки: вспугнутые ящерики бросались в укрытие. Один раз Джанан шархнулся, увидев змею, но Даниэль быстро успокоил коня.

Приблизительно через полтора часа пути показалась каменная россыпь, которую Даниэль давно для себя наметил; туда-то он и направил коней. Достигнув ее, он спешился и, ведя в поводу Джанана и Айшу, вошел под прикрытые скалы. Меж расщелинами росла клокастая колючая трава, название которой Даниэлю было неизвестно, да трепетала листьями на ветру невесть как оказавшаяся тут олива. Даниэль привязал лошадей к ветвям низкого кустарника и снял леди Александру с седла.

– Вы можете сесть вот здесь, моя госпожа. – Он стащил с Айши расшитую попонку и постелил в тени скалы. – Это уединенное место, и вас никто не увидит. У вас есть вода, и вот немного еды, – он положил на попону свой дорожный мешок. – Вы можете есть, пить и спать. Я должен уйти, но возвращусь скоро.

– Куда ты идешь? – встревожилась она.

– Здесь неподалеку деревня, – терпеливо объяснил Даниэль. – Мне надо побывать там, прежде чем мы продолжим путь.

– Мой супруг приедет в эту деревню? Это Рабиун?

– Нет, моя госпожа, до Рабиуна еще полдня пути. – Он отвязал поводья и вскочил в седло Джанана. Черная шкура коня запылилась и казалась серой. – Не бойтесь ничего, никуда не уходите отсюда и ждите меня.

Не дожидаясь расспросов, он быстро поехал прочь и, едва осыпь кончилась, пустил коня галопом.

– Моя госпожа, проснитесь, – сказал Даниэль, осторожно прикасаясь к ее плечу.

Леди Александра открыла глаза не сразу, сначала вздрогнула, сжалась и лишь потом, видимо, ощутив, что опасность ей не угрожает, посмотрела на своего спасителя бирюзовым взглядом из-под светлых ресниц.

– Ты вернулся, – пробормотала она. – Я... я так устала. Сколько времени прошло?

– Немного. – Даниэль склонился над ней и усадил. – Я принес вам вот это. Переоденьтесь.

Она с удивлением развернула бесформенную, но чистую рубаху из плотной ткани, за нею – темный плащ. Даниэль поставил на землю грубые туфли, которые носили здесь женщины, когда обрабатывали скудные посевы. Толстую коровью кожу не прокусит ни одна змея или скорпион.

– Где ты взял это?

– Купил в деревне. Смените платье, моя госпожа, и потом приходите туда, – он указал в направлении, откуда приехал, – к повозке.

– Какой повозке?

– Ее я тоже купил в деревне. Так ехать вам будет удобнее.

Леди Александра смотрела на него во все глаза, прижимая к себе ворох одежды. Не задерживаясь более, Даниэль отвязал Айшу и повел кобылку к дороге, на которой стоял крытый деревянный возок с впряженным в него Джананом. Скакуну не очень-то нравилось, что его разжаловали в тягловые лошади, однако возразить он не мог при всем желании. Всю жизнь Джанан подчинялся Даниэлю беспрекословно, и если хозяину вздумалось впрячь его в это дощатое недоразумение – что ж, такова воля Бога.

Даниэль стащил с Айши седло и, бросив в повозку рядом с седлом Джанана, накрыл дерюгой. Затем снял с крючьев на борту два кожаных ведра, наполненных жидкой грязью, уже начавшей подсыхать на солнце, и взялся за дело. К тому времени, как леди Александра появи-

лась у повозки, лошади были измазаны с ног до головы; бабки им Даниэль обмотал жутким тряпьем, а гривы слегка подкромсал.

– Их не узнать, – сказала леди Александра, останавливаясь рядом. Свое вонючее платье и разбитые туфли она держала в руках. Даниэль забрал у нее все это и бросил в повозку.

– И вас тоже не узнать. Это хорошо. – Он крепче привязал Айшу к повозке сзади. – Нам нужно поблагодарить вашего супруга за прозорливость. Он снабдил меня деньгами на случай, если мне понадобится купить что-либо для вас, моя госпожа. Теперь вы похожи на горожанку, направляющуюся домой.

Она кивнула и погладила Айшу по шее, тут же испачкав руки.

– Я забыл, – сказал Даниэль и вынул из-за пояса костяной гребешок – самый простой, с крупными зубьями.

– Ты так заботаешься обо мне, – сказала леди Александра с недоумением. – Ко мне давно никто не был добр.

– Награда велика, – спокойно ответил Даниэль.

Она погрузилась и без помех позволила усадить себя в повозку.

– Там матрас. Вы можете лечь. И корзина с едой и вином. Еще половину дня мы будем ехать, а к вечеру достигнем места встречи близ Рабиуна. Помолитесь, чтобы нам все удалось.

– Я буду молиться, – тихо ответила леди Александра.

Даниэль кивнул и ушел вперед, чтобы порадовать Джанана яблоком. Яблоко было мелкое и червивое, но конь схрупал его с удовольствием, елозя по ладони мягкими губами. Даниэль гладил его и думал.

Конечно, лошади – это самое слабое место, размышлял он. Маскарад обманет лишь изда- лека, а любой внимательный путник вблизи увидит, что Джанан хорош и привязанная сзади кобылка неплоха. Не поможет ни грязь, ни тряпье на бабках. Остается уповать на невнима- тельность встречающих и на то, что погоня ушла в другую сторону – если она вообще случилась уже, эта самая погоня. Фарис не станет говорить зря, а потому леди Александры хватятся самое раннее вечером. К тому моменту она воссоединится с любящим супругом, а Даниэль будет держать путь на Аджлун.

Погладив Джанана еще, он проверил упряжь, затем влез на передок возка и щелкнул поводьями. Конь бодро взял с места, и повозка затряслась по дороге. Конечно, придется дер- жаться проторенных путей, однако Даниэль знал местность прекрасно – где срезать путь, где укрыться в случае опасности, как выбрать пустынную тропу. Случайным путникам не будет дела до бедного странника, везущего свой товар и жену, а неслучайные вряд ли догонят.

Александра лежала и смотрела в потолок; сон ушел, осталась тяжелая усталость, прида- вившая, словно холодный камень. Солнце проникало в щели тонкими сиротливыми лучиками, и было немного душно – однако Даниэль, закрыв полог сзади, спереди оставил его откинутым, чтобы не уморить спасенную окончательно. Александра еле заметно улыбнулась. Ее украли, как безделушку или овцу.

Это правильно. Она не могла представить Гийома, пришедшего под покровом ночи тайно вывести ее из крепости; Гийом бы явился во главе большого отряда и потребовал отдать ему жену. Она с трудом могла его вспомнить сейчас, хотя образ в сердце оставался хрустальным, нетронутым. За эти месяцы Александра почти позабыла лицо мужа, хотя думала о нем посто- янно. И он не забыл о ней.

Она увидит Гийома уже вечером. Этот чудной человек привезет ее к мужу, и все сразу станет хорошо. Александра повозилась, устраиваясь поудобнее, и вновь замерла; повозку потряхивало, но не очень сильно. Даниэль правил конем умело и выбирал хорошую дорогу.

Какой, право, странный человек. Александра повернула голову так, чтобы видеть его узкую льняную спину; куртку Даниэль некоторое время назад снял и бросил внутрь повозки.

До сих пор Александра не встречала таких людей и никак не могла его раскусить; он точно был франком, скорее всего, приплывшим с севера, чтобы найти счастье здесь, в Палестине. Сотни, тысячи людей стремились сюда, на давно поделенные земли, чтобы попытаться отвоевать себе клочок. В этом стекающемся к Иерусалиму великом множестве очень мало таких, кто не был бы запятнан преступлением или нечестием, кто не принадлежал бы к числу похитителей людей и святотатцев, убийц, клятвопреступников и развратников. Таким образом, их поступок приносил двойную радость – и их близким, провожающим их в дальний путь, и тем, кому они здесь приходили на помощь во время походов и завоеваний. Нищие, преступники, пилигримы, обедневшие рыцари, даже дети – всех манила Святая Земля. Даниэль, кажется, один из них.

У него были глубокие синие глаза, вихрастая шевелюра, слишком короткая для рыцаря, и мягкий овал лица. Похоже, он не бреется или бреется редко. Гийом терпеть не мог бороду, а этому, наверное, ничего. Но из-за бороды лицо как следует не рассмотришь, и запомнить тяжело. Может быть, это хорошо для того, кто привык уносить чужое имущество под покровом ночи.

Александра закрыла глаза и положила руку на живот. Все скоро завершится. Гийом увезет ее домой, в замок, стоящий посреди фьефа, и там она сможет запереться и побыть одна, чтобы потом, когда ребенок родится, вновь быть вместе с Гийомом. Она так жаждала и страшилась этой встречи. Так страшилась...

Все-таки Александра уснула, а проснулась оттого, что повозка, дернувшись как-то особенно подло, остановилась. Моргая спросонья, Александра приподнялась на локте, пытаясь понять, что произошло. Даниэль все так же сидел впереди, глядя куда-то вдаль.

– У повозки сломалось колесо? – высказала Александра первое пришедшее в голову предположение.

– С колесами все в порядке, – негромко откликнулся Даниэль. – Я вижу всадников.

– Господь Всемогуций, – пробормотала Александра и попыталась встать. Даниэль бросил на нее быстрый взгляд.

– Лежите. И ни слова не говорите. Я сам с ними объяснюсь.

– Они едут к нам?

– Да.

Александра легла, но тревога не покидала ее. Теснота повозки показалась угрожающей. Долгое время ничего не происходило, но затем Александра различила стук копыт, стремительно приближавшийся. Она усилием воли заставила себя оставаться на месте: кем бы ни был этот Даниэль, она должна безоговорочно ему доверять. Он свой в этой пустыне, и он знает, что делать.

Топот приблизился, охватил со всех сторон. Гортанные крики зазвучали совсем рядом, всадники осадил коней, и пыльное облако заструилось в солнечных лучах. Даниэль сказал:

– Салям алейкум!

– Алейкум ассалям! – ответил мужской голос, густой и вместе с тем звонкий, и потекла арабская речь. Даниэль бросал какие-то фразы, смысл которых был неведом Александре, собеседники живо ему отвечали. Несколько раз повторились слова «хисан»⁸, «имра»⁹, а потом Даниэль четко произнес «тайр», и всадники умолкли. Затем тот, кто говорил с Даниэлем, расхохотался в полный голос и сказал что-то веселое, и остальные тоже засмеялись.

«Сколько же их? – с тоскою думала Александра. – И что они сделают с нами?»

Слово «тайр» прозвучало еще несколько раз, потом она услышала имя Салах ад-Дина. Наконец густо-звонкий голос сказал:

– Рихлят саида! – и взвилось гиканье, свист, и лошадиный топот стал удаляться.

⁸ Лошадь (араб.).

⁹ Женщина (араб.).

Даниэль причмокнул и дернул поводья, повозка, качнувшись, снялась с места. Только тогда Александра осмелилась сесть.

– Что он сказал? Кто это?

– Нам пожелали счастливого пути, – безмятежно ответил Даниэль, которого встреча со всадниками, кажется, ничуть не взволновала.

– Ты знаешь этих людей?

– Нет, мы не встречались прежде. Это бедуины, воины пустыни. Они служат Салах ад-Дину, здесь его земля. Они не тронут нас, потому что мирные договоренности действуют здесь.

– Что ты сказал им?

– Правду.

– Правду? – ужаснулась Александра.

Даниэль, не оборачиваясь, пожал плечами.

– Я везу спасенную женщину к ее мужу. Эти люди знают крепость Ахмар, знают Джабира и не любят его. Мало кому он нравится здесь. Их предводитель спросил, почему у меня такие грязные лошади, и я объяснил ему. Он смеялся и посоветовал поцарапать им шкуры, чтобы обмануть хотя бы детей. Он сказал еще, путь впереди свободен, сейчас в этой части пустыни, у гор, почти никого нет.

– А что значит «тайр»? Когда ты сказал это, они стали... дружелюбнее. Мне показалось так.

– «Тайр» – это «птица». Так меня называют в Святой Земле те, кто знает. Я летаю повсюду, быстро и бесшумно.

– Даниэль по прозвищу Птица, – она невольно улыбнулась. – Тебе идет. Так эти люди знают тебя?

– Они слышали обо мне.

Александра покачала головой.

Эта земля как была непонятной, так и осталась. Александра выросла в другой земле. Там властвовали туманы, суровый прибой облизывал соленой пеной прибрежные скалы, крики чаек звучали жалобно, как плач вдов, и под ветром с моря сгибались старые деревья. Там стояли окруженные рвами замки, и в лесах водились хищные звери, и небеса хмурились, и было вдоволь ручьев.

Здесь же реки почти все пересыхают с началом лета, только Иордан катит свои мутные воды; в Англии люди основательны и замкнуты, а тут – легки, как самум, и неуловимы. Для северян с далекого острова поединок – дело всей жизни, для мусульман – столкновение соколов в полете. Их ярость пламеннее и выше, но и крылья их легче.

Даниэль по прозвищу Птица был странным именно потому, что, будучи франком, приехавшим в Святую Землю, он словно слился с нею.

О чем он говорил с этими воинами пустыни, чьи голоса Александра слышала недавно? Ни разу она не видела бедуинов так близко, чтобы посмотреть в их темные глаза, оценить их стремительность и опасность. В замке мужа Александра жила словно бы в башне из слоновой кости, а когда выезжала, ее сопровождали вышколенные слуги. Кто знал, что однажды их сил окажется недостаточно, чтобы защитить госпожу? Кто знал, что вылетят из-за скал громко вопящие воины на легких конях и окажутся они вовсе не теми, которые чтят законы мира и войны и не нападают на женщин неприятеля...

Нет, Александра не хотела сейчас об этом думать. Ничего не было. Не с ней.

Лучше она будет думать о Даниэле по прозвищу Птица.

Он насвистывал какую-то песенку, которой Александра не знала, и иногда говорил со своим конем – упрашивал не обижаться и дотащить повозку до Рабиуна. А там, обещал вполголоса Даниэль, можно будет и отдохнуть немного, напиться свежей воды у источника под двумя старыми дубами, поесть овса и потом уж мчаться в Аджлун, как ветер.

Сейчас он говорил с конем, а раньше – с людьми, случайно встретившимися ему на пути, и эти люди его знали и, смеясь, называли Птицей. Наверное, он хороший вор, если слава о нем разнеслась даже по этим безлюдным землям. Александра хотела спросить Даниэля, что же он крадет, кроме захваченных сельджуками женщин, и не спросила, уснула.

Она спала, и сны реяли над нею невесомой облачной стаей.

Глава 5

Ожидание

Рабиун лежал на пологом склоне холма, похожий на крохотный муравейник; Даниэль потянул поводья, направляя Джанана стороной. Место встречи находилось не в самой деревне, а на некотором расстоянии от нее, во впадине между холмами-близнецами. Там неподалеку раньше ломали камень, и туда вела старая разбитая дорога. Камня почти не осталось, потому все было заброшено, в том числе и старый крестьянский дом, куда Даниэль и направлялся.

Вихляя на изгибах тропы, повозка дотацилась до нужного места. Дом стоял, перекосившись, на склоне, и оттуда открывался вид на лежавшую внизу долину, а вот снизу строение разглядеть трудновато. Даниэль остановил коня и заглянул в повозку – леди Александра спала глубоким сном. Таким засыпают воины после боя – Даниэль видел и сам знал, что это такое. Теперь она будет так спать несколько дней, и это пойдет ей только на пользу. Она как воин. Она сражалась и победила.

Почти.

Не решаясь потревожить ее, Даниэль выпряг Джанана и сводил его к источнику, бившему из-под корней двух дубов в ста шагах от старого дома. Здесь брал начало ручей, вившийся по склону и впадавший в мутную речушку, из которой черпали воду жители Рабиуна. Редко кто появлялся здесь, и потому Даниэль спокойно напоил коня, вымыл его шкуру, снова ставшую черной и блестящей, как перезрелый виноград. Затем, возвратившись обратно, отвязал кобылку и проделал с нею то же самое – напоил и вымыл. Айша была недовольна, бежать за повозкой ей не понравилось, но трава во дворике у дома немного примирила ее с действительностью. Стараясь не разбудить леди Александру, Даниэль пошарил в повозке, достал мешки с овсом и надел на лошадей – так, чтобы лошадиная морда утопала в этом мешке. Овес в Палестине был недешевым, в основном зерно доставляли из Европы, так как на здешних землях невозможно вырастить хороший урожай. Поля простирались в долинах рек, вдоль Иордана, да еще в Самарии, где было больше плодородных почв. Привезенное из-за моря зерно стоило дорого, и все-таки Даниэль покупал его. Если лошадь не будет хорошо есть, она будет плохо бежать. К тому же эти деньги на овес дал граф де Ламонтань.

На всякий случай Даниэль вновь оседлал Айшу, забрал опустевшие мешки и вернулся с ними к повозке, и тут проснулась леди Александра. Она смотрела из полутьмы на Даниэля и еле заметно улыбалась.

– Мы приехали, – сказал он, предупреждая вопросы, – теперь остается только ждать, моя госпожа. Вы хотите остаться в повозке?

– А что ты еще можешь предложить?

– Там дом, – Даниэль махнул рукой. – В нем никого нет, и часть крыши сохранилась, и есть топчан. Я мог бы перенести матрас туда. Там удобней лежать. Прохладней.

– Я хочу есть, – сказала она почти весело.

– Разводить костер я не стану, но в корзине у меня вяленая козлятина. Мне неловко предлагать ее вам.

– И тем не менее я согласна. Помоги мне выйти.

Даниэль улыбнулся. Она ему нравилась.

Она была маленькая, храбрая и сильная. В самый раз для Палестины.

Он помог леди Александре покинуть повозку, перенес матрас в пустующий дом, сходил за корзиной. Женщина бродила во дворе, оглядываясь, рассматривая далекую долину сквозь проем в окружавшей дом стене – там, где обрушился кусок кладки. Долина лежала в золотистой дымке, солнце клонилось к горизонту, облака пылали, как грешники в аду. Одна стена дома

осыпалась, и с топчана были видны горы. Тут лежала тень, дававшая прохладу, а в остатках крыши гнездилась какая-то мелкая птица, при виде людей улетевшая с пронзительным криком прочь.

Даниэль разложил на тряпице нехитрый ужин и позвал леди Александру; та не выказала отвращения при виде криво порезанных кусков козлятины и ела ее так, будто ей подавали перепелов, приготовленных королевским поваром. К тому же она была не против, чтобы спаситель разделил с нею ужин. Даниэль вспомнил, что ее кормили в плену какой-то дрянью и всего лишь раз в день, и не удержался от вопроса:

– Почему они не давали вам еду? Почему держали там?

Леди Александра помедлила, прежде чем ответить, и взяла горсть сушеных фиников – их Даниэль не покупал в деревушке, а привез с собою в седельной суме. Финики быстро насыщают голодных.

– Только последние... наверное, три месяца. До того я жила в комнате. Я ведь даже не знаю, какой месяц сейчас! – спохватилась она.

– Сегодня десятое мая. Сейчас аяр, как говорят местные.

– Ты хорошо знаешь их язык.

– Мне пришлось выучить его, чтобы жить здесь.

– А я не выучила, – произнесла она с сожалением. – Может, если бы знала, могла бы договориться с ними... объяснить...

– Моя госпожа, вы ничего не объяснили бы. Джабир ибн Кибир – шакал в человеческой шкуре. Он не понимает слов мольбы и не терпит ни законов, ни правил. Так я слышал о нем.

– И это правда, – тихо сказала леди Александра, отвернувшись.

Даниэль не стал спрашивать, сделал ли все это с нею сам Джабир или отдал кому-то из своих головорезов. Он потянулся и вложил леди Александре в руку большой теплый апельсин; она взглянула и засмеялась.

– Я и не думала, что когда-нибудь снова смогу есть апельсин. Или увижу солнце и небо, – шепотом созналась она.

– Вы не должны думать об этом, госпожа. Все уже закончилось.

– Нет, – возразила леди Александра, – еще нет.

Даниэль понял, что она говорит о ребенке, и вновь промолчал. Это не его дело. Свою задачу он выполнил и может ехать обратно, туда, где его ждут. Сначала в Аджлун, а потом дорога лежит к Галилейскому морю. Торопиться Даниэль не любил, но некоторые долетавшие до него новости не слишком-то радовали. Или, может, следует отправиться в Иерусалим?

Что сейчас творится в Священном Городе? Нынче правит муж Сибиллы, Ги де Лузиньян, которого супруга возвела на трон против воли Святого престола. Все смирились с этим, и все же в королевстве плохо дышится в последний год. Возможно, следовало уплыть отсюда раньше, но как уедешь теперь? Да и куда? Обратно во Францию, где давно не осталось ничего родного, а солнце гораздо скуднее, чем здесь?..

Словно бы прочтя его мысли, леди Александра спросила:

– Что происходило в королевстве, пока я была в плену?

Даниэль прислонился спиной к испещренной трещинками теплой стене и подбросил на ладони финик.

– Когда вас захватили люди Джабира?

– Пятнадцатого августа, – сказала леди Александра.

– Что ж, тогда вы знаете, как был коронован Ги де Лузиньян.

– Он по-прежнему сидит на троне?

– И по-прежнему правит. Многие говорят, что он слаб и нерешителен, но иные бароны пользуются этим, чтобы упрочить свою власть. Вспыхивают ссоры, брат не доверяет брату.

Салах ад-Дин клянется уничтожить королевство Иерусалимское. Мы словно в окружении его несметных войск.

– Но ведь перемирие... – растерянно произнесла леди Александра.

Даниэль перебил ее:

– Мира нет. Его уничтожил Рено де Шатильон, вероломно напав в начале этого года на караван, в котором ехала сестра Салах ад-Дина. Караван следовал с большими ценностями из Каира в Дамаск и шел по землям, где на него нельзя было напасть. Но ничто не остановило Рено де Шатильона. Он разграбил караван подчистую, а когда Салах ад-Дин потребовал от короля справедливости и наказания для грабителя, тот отказал. С ранней весны войска султана пришли в движение. Он опустошил земли у крепостей Карак и Карак де Монреаль, соединил войска мусульман из Дамаска, Мосула, Халеба и Месопотамии. Сейчас они где-то около Раас аль-Ма. Говорят, великое отмщение грядет. Салах ад-Дин не прощает оскорблений, и он объявил джихад.

Леди Александра молчала, и Даниэль не стал продолжать. Что толку. Если муж ее будет благоразумен, то отправит ее домой на корабле какого-нибудь генуэзского торговца, возящего из Святой Земли ткани и мускатный орех.

– Что же остальные? – заговорила леди Александра вновь. – Что ордена? Ибелин? Граф Триполийский?

Даниэль не отвечал долго, а когда ответил, говорил неохотно.

– Раймунд, владетель Триполи, сеньор Тиверии, не ладит с великим магистром тамплиеров Жераром де Ридфором, коль скоро вам это неизвестно. И их вражда мешает им договориться. Они будут воевать вместе, когда придет время выступить против султана, однако насколько успешно – знает лишь Бог.

– Господь поможет нам, – пробормотала леди Александра.

– Господь определенно поможет кому-то, – согласился Даниэль. Он встал, подошел к дыре, что осталась на месте стены дома, и посмотрел в долину. Никого.

– Мой супруг уже должен быть здесь? – спросила леди Александра. В голосе ее слышалось беспокойство.

– Он обязательно приедет, моя госпожа, – ответил Даниэль, не оборачиваясь. Солнце было уже низко над горизонтом, и полосы узких облаков напоминали обугленные клинки. – Вы можете отдыхать пока. Я вас не потревожу.

Он устроился на том, что когда-то было порогом, положил рядом запасную рубаху, на рукаве которой образовалась преизрядная дыра, и продел в ушко костяной иголки грубую нить. Затем долго и вдумчиво штопал прореху. Солнце село, и Даниэль заканчивал починять рубашку уже в темноте.

Лошади объедали траву вокруг, хрупали мощными челюстями; в степи надрывно орала какая-то ночная птица. Птиц в Палестине было много, а зверей – не очень. Никакого сравнения с густым французским лесом, где можно преследовать жирного кабана или оленя. И не попасться при этом егерям – в случае, когда олень не твой.

У Даниэля в жизни не случилось «своего» оленя.

Вскоре взошла луна. Даниэль сидел, вытянув ноги и скрестив руки на груди, и пытался уловить топот копыт, но слышал лишь привычные звуки ночной пустыни. Где же граф де Ламонтань? Он обещал приехать еще до лунного восхода. Что могло задержать его, и явится ли граф вообще? Впору подумать, как поступить с женщиной, если ее супруг не заберет ее.

Земли тут опасные, того и гляди налетят злодеи и перережут горло, а имущества лишишься вместе с жизнью. Воины Салах ад-Дина, положим, сначала поинтересуются, насколько знатен путешествующий, да кто он, да откуда, а разбойникам – тем все едино. Война притягивает к себе грязных людишек, как трупы манят стервятников. Если граф нарвался на

отряд вроде того, которым командует Джабир, мог и не поспеть к месту встречи. Хорошо, если сеньор не лежит в канаве и грифы не пируют в его внутренностях. Хорошо, если его просто задержали обстоятельства.

Леди Александра зашевелилась, затихла, а потом сказала негромко:

– Ты здесь, Даниэль по прозвищу Птица?

Он усмехнулся. Ему нравилось, как она это произносила.

– Здесь, моя госпожа. Вам что-нибудь нужно? Да?

– Принеси из повозки плащ. Мне холодно.

Ночи в пустыне и верно нежаркие. Даниэль сходил к повозке, вернулся с двумя плащами – своим и тем, что купил для леди Александры, – и вошел в дом. Там было светло: луна бросала лучи сверху, остатки крыши ничуть не мешали небесной владычице.

– Благодарю тебя. – Укрытая двумя плащами, леди Александра казалась ворохом темноты. – Теперь я согреюсь. Из каких ты земель, скажи? Ты ведь приплыл из-за моря.

– Я жил близ Парижа, – сказал Даниэль, не желая вдаваться в подробности.

– У тебя остался кто-то на родине? Жена, дети?

– Никого не осталось. Спите, госпожа.

– А здесь? – настаивала она, и Даниэль вдруг понял звериным чутьем, что ей очень страшно, и потому она хочет говорить с ним. Обычно благородные дамы не снисходят до тех, кто ниже их по рождению, даже до спасителей. Даниэль не стал уходить за порог, отошел и устроился в оконном проеме; лунный свет лился сверху, как вода.

– Здесь у меня есть друг.

– Тот, с кем ты был в крепости? Как его зовут? Я забыла.

– Фарис, – и, предупреждая вопрос, тут же объяснил: – Это значит «рыцарь».

– Он вправду рыцарь? Или... как и ты?

Даниэль улыбнулся:

– Он вор, госпожа. А еще лихой наездник и превосходный воин. У него душа сокола и повадки лисы.

– Он твой верный друг?

– Он мне как брат. Я спас его жизнь однажды, а потом он спас мою, и хотя у нас нет друг перед другом долгов, это связывает навеки. – Даниэль положил руку на край проема; из-под пальцев посыпались мелкие сухие камешки. – Он зовет меня «саиб», что значит «верный».

– А ты как зовешь его?

– По имени. У него хорошее имя.

– Это правда, – сказала леди Александра.

После долгого молчания Даниэль осторожно и немного неловко спросил:

– А вы, госпожа? Вы тоже приплыли из-за моря.

Она тихо рассмеялась.

– Да. Я жила на севере Англии, в суровом краю. Мой род получил свои земли в ту пору, когда несколько моих предков храбро сражались рядом с Вильгельмом в битве при Гастингсе. С тех пор мы приумножили богатство. Дед участвовал в первом походе в Святую Землю и вернулся домой с сокровищами. Я с детства была обещана Гийому де Ламонтаню, бережно хранила его портрет и собиралась отплыть в Палестину, когда будущий супруг призовет меня. Это случилось три... четыре года назад. Я прибыла сюда и была обвенчана с ним в Иерусалиме.

– Он франк, а вы выросли в Англии.

– Его дед сражался вместе с моим дедом. Эти узы крепки. Семья Гийома осталась в Палестине, получив земли после первого похода.

Даниэль ничего не сказал на это. Ему показалось, что он увидел движение в долине – но нет, это всего лишь летели тени от облаков.

– Вы высокородная госпожа, – произнес Даниэль наконец, – и всегда останетесь ею.

– Ты говоришь очень красиво для вора, – заметила леди Александра уже не в первый раз. – Кто учил тебя? Ты умеешь читать? А писать?

Даниэль умел, но не собирался хвастаться этим; чего доброго, она расскажет потом мужу, а графу де Ламонтаню и вовсе незачем знать, что его жену спасал излишне образованный грабитель. Маска должна оставаться маской.

– Я умею считать. Ровно столько, чтобы знать себе цену.

Она вновь засмеялась:

– Ты можешь рассмешить даму. Это так редко случается.

– Вы живете среди галантных рыцарей, моя госпожа. Неужто они не умеют сказать даме красивые слова?

– Они крадут их у менестрелей, а те временами невыносимо скучны. Ты умеешь петь, Даниэль по прозвищу Птица?

– Конечно. Все птицы умеют петь.

– Спой мне что-нибудь.

– Вам может не понравиться моя песня. Я простой человек.

– Это хорошо. Я устала от сложностей.

Петь ей о пастушках и любовных приключениях слишком дерзко, и Даниэль негромко начал:

Что предрекает царь Давид,
Осуществить нам предстоит,
Освободив Господня сына
От надругательств сарацина!
В неизъяснимой доброте
Принявший муку на кресте,
К тебе взывают наши песни,
И клич гремит: «Христос, воскресни!»¹⁰

Чуть позже он сходил и проверил. Леди Александра спала, конечно же.

¹⁰ Отрывок из песни вагантов. Перевод Льва Гинзбурга.

Глава 6

Граф Гийом де Ламонтань

Всадники появились с рассветом.

Даниэль увидел их издалека, как и предполагал; солнце еще не встало, но предрассветные сумерки уже властвовали над землей. Далеко-далеко в долине появилось облачко пыли, оно все увеличивалось, и вот уже стало возможно разглядеть едущих впереди. Присмотревшись, Даниэль отправился в дом и осторожно разбудил леди Александру.

– Моя госпожа, ваш муж близко.

Она поморгала, потом как-то сразу проснулась и села, неловко придерживая живот, – растерянная, испуганная.

– Дай мне воды умыться.

Даниэль не пошел к источнику (запасы можно пополнить позже), вылил в подставленные ладони леди Александры остатки воды из фляги и вышел во двор. Солнце только что поднялось над горизонтом; лошади, до того мирно дремавшие, подняли головы, запрядали ушами, а затем Джанан вытянул шею и звонко заржал.

– Тихо, – сказал ему Даниэль. Конь фыркнул, переступил с ноги на ногу.

– Скоро ли они будут здесь? – спросила из дома леди Александра.

– Через несколько минут, госпожа.

Даниэль уже видел штандарт: черный грач на белом поле, герб графа де Ламонтаня. Граф изрядный храбрец, копьё разъезжает со штандартом по этим землям, не боясь ничего. Да и силу захватил внушительную: не менее двадцати рыцарей, вооруженных до зубов, следовали за супругом леди Александры. Это дает надежду, что женщину доставят домой в целости и сохранности. Если граф, конечно, не запрет ее в монастыре.

Даниэль приказал себе об этом не думать. Судьба леди Александры не должна его волновать.

Граф остановил отряд шагах в трехстах от дома и дальше поехал один. Даниэль стоял и ждал, положив правую руку на пояс, рядом с кинжальными ножнами. Граф приближался медленно, конь его, гривастый серый жеребец, шагал неторопливо и внушительно.

Супруг леди Александры был человеком высоким и статным, с крупным, словно бы из камня высеченным лицом. Сходство с валуном усиливал землистый цвет кожи, которую отчего-то не брал загар, и пепельные волосы. На нем была плотная кольчуга, которую не пробьет стрела из лука, а вот арбалетная – пробьет, и еще были поножи, и наручи, и легкий шлем, украшенный затейливой вязью, – судя по всему, сарацинский, добытый в бою. Граф остановил коня рядом с Даниэлем, и тот поклонился ему.

– Ты привез ее? – спросил граф гулким, как из бочки, голосом.

– Да, господин. Она ждет вас в доме.

– Она не утратила разум?

Даниэль понял: граф оставил своих людей за пределами слышимости, чтобы иметь возможность задать эти вопросы.

– Нет, господин. Она все помнит и все понимает. Она справилась.

– Хорошо. Ты заслужил свою награду. Иди за мной.

Даниэль пошел, размышляя на ходу о том, как несправедливо судьба обходится с некоторыми. Взять хотя бы этого рыцаря. Он носит титул графа, но это всего лишь звонкое, как монетка, слово, а на деле владений у Ламонтаня меньше, чем у иного барона, и фьеф, по слухам, невелик. Не в том дело, что денег недостает, а в том, что всю землю давно поделили. Вот и приходится жить в тени Иерусалима, возделывать поля силами крестьян, собирать подати

да платить налоги и сборы. И воинскую службу нести круглогодично. Веселая жизнь, что тут скажешь.

Вольной птицей быть гораздо лучше.

Леди Александра сидела на топчане, закутавшись в свой плащ, и, когда граф вошел, поднялась ему навстречу. Даниэль остался стоять в дверях, готовый уйти в любую минуту.

– Госпожа супруга моя, – сказал граф де Ламонтань и поклонился ей.

– Господин супруг мой, – ответила леди Александра и шагнула к нему.

И тут он понял.

Граф стоял к Даниэлю спиной, и тот не видел выражения его лица, зато прекрасно видел леди Александру, которая словно споткнулась – и остановилась. Повисло молчание, в котором даже невероятный шутник не обнаружил бы ни капли дружелюбия. Аккуратно, стараясь, чтобы его не заметили, Даниэль сдвинулся вдоль стены – теперь он видел графа в профиль, и профиль этот не выражал ничего хорошего.

– Как вы посмели, жена моя, – прошипел Ламонтань, – возвратиться после того, как дали опозорить себя? Не должны ли вы наложить на себя руки, коль скоро вас обесчестил сарацин?

– Господин супруг мой, – отвечала леди Александра дрожащим голосом, – я полагала, что вы будете рады увидеть меня живою.

– Живою, но сохранившей честь! Я и предположить не мог, что вы носите под сердцем бастарда! Вражеского ублюдка!

Не походило это на встречу любящих супругов после долгой разлуки. Даниэль на всякий случай вытащил кинжал из ножен и взял обратным хватом – так, чтобы лезвие лежало вдоль запястья. Если граф попытается причинить жене вред, придется вмешаться. Даниэлю не было никакого дела до семейных ссор, но обидеть женщину он не позволит, хотя граф выше и сильнее раза в полтора. Мало того, что потом со своей совестью не примиришься, так она к тому же графиня, а Ламонтани – вассалы могущественного человека.

– Мой господин... Я могу отправиться в монастырь и пробыть там, пока ребенок не родится. Я отдам его на воспитание монахиням, и никто о том не узнает. Я так ждала...

– Монахиням? – взревел граф, взбешенный не на шутку. – Вы должны были перерезать себе глотку, как только ваша талия стала округляться.

И тут леди Александра вышла из себя.

– Он взял меня силой! – закричала она, подавшись вперед. – Он брал меня силой раз за разом и смеялся, и говорил, что наставит рога всему франкскому рыцарству! Говорил, что жены франков возлягут на ложе с теми, кто чтит Аллаха, и будет так, а не иначе! Он не оставлял меня никогда так, чтобы я могла вонзить себе кинжал в сердце или броситься с башни – нельзя броситься с башни, когда тебя держат в комнате без окон, с одной кроватью, и даже веревки нет! Я смирилась. Я решила, что Господь хочет, чтоб я жила! А тот... тот говорил, что, если я рожу мальчика, он станет хорошим воином, а если девочку – ее бросят со скалы в ущелье, потому что лишние рты не нужны в крепости Ахмар. Я молилась ежечасно, ежеминутно, и лишь любовь к вам и надежда вернуться к вам сохранили мне рассудок! Умоляю, не отвергайте меня!

Граф слушал эту речь с презрительной гримасой на лице; когда же леди Александра простерла к нему руки, он бросил резко:

– Отвергать? Как можно отвергнуть ту, что отныне для меня не существует? Вы опозорили не только себя, мадам, вы опозорили мой род, мое имя, и я не стану мараться, даже прикасаясь к вам. Неужто вы могли решить, что я коснусь той, которая понесла от сарацина?

– Что же вы думали, супруг мой? Что все это время меня держали в богатых покоях и преподносили восточные яства, а по вечерам меня развлекали танцовщицы и певцы? Я провела почти год в разбойничьем замке.

– Я полагал, – резко отвечал граф, – что захвативший вас сарацин соблюдает законы и обращается с пленными, как подобает. И супруга моя, высокородная дама, в плену, но ее чтят, как чтят законы плена.

– Разбойники, – горько сказала леди Александра, – не чтят никого и ничего. Разве я в том виновна?

– Да, – твердо сказал Ламонтань, – вы виновны, потому что остались живы. Когда этот человек, которому я заплатил за ваше спасение, увел вас из замка, вы должны были смыть свой позор кровью. И все бы поняли это. Достойная смерть.

– Так убейте меня сейчас! – закричала она. – Заколите меня мечом, и закончим на этом!

– Незачем, – выплюнул граф, – вы уже мертвы. Вас нет. Вы погибли в крепости Ахмар давным-давно, и если вы осмелитесь ко мне приблизиться вновь, я отрекусь от вас, скажу, что это не вы, что выдаете себя за мою супругу. У вас больше нет мужа, нет рода, нет дома. И если вы понимаете, о чем я, то река тут неподалеку!

Даниэль покачал головой. Он не понимал такого. Да, леди Александра обесчещена, однако скрыть ее позор не так уж сложно. Отвезти ее в монастырь под предлогом, что она нуждается в духовной помощи после сарацинского плена, дожидаться рождения ребенка, оставить его монахиням искупать грехи матери и возвратиться в мир. Здесь не Франция, не Англия, здесь действуют иные законы, и каждый владетель в своем фьефе – царь и бог. Даниэлю казалось странным, что супруг отрекается от своей жены (любимой жены, за спасение которой он платил большие деньги!) так легко. Как будто он только и ждал подобного хода событий.

– И если я решу последовать за вами, – выговорила леди Александра, – вы не примете меня?

– Вас нет больше, – повторил граф и повернулся к выходу.

Все это время леди Александра держалась, однако последние слова мужа сломили ее, и она жалобно крикнула:

– Гийом! Ведь я люблю вас! И вы говорили, что любите меня! Не оставляйте меня, прошу, не оставляйте!

Увы, мольба не помогла: граф вышел из дома, не оборачиваясь. Бросив короткий взгляд на леди Александру, Даниэль быстро последовал за Ламонтанем.

Граф отвязывал коня.

– Я хочу получить награду, – сказал Даниэль.

– А! Награду. Хорошо, – Ламонтань отцепил от пояса толстый кошель и бросил на землю; кошель сыто звякнул. – Здесь то, что я обещал тебе, наемник.

– Я привел сюда вашу супругу, – Даниэль не спешил поднимать кошель. – Вы не забрали ее. Что мне делать с ней теперь? Отвести ее обратно к стенам Ахмара?

Он говорил это равнодушно, глядя поверх головы графа, и не выпускал из руки кинжал.

– Моя супруга, – ядовито бросил Ламонтань, – никому не нужна отныне. Ты получил достаточно денег, чтобы забыть и о ней, и обо мне. Все равно, что ты станешь делать с нею. Хочешь – брось здесь, хочешь – отвези обратно.

Даниэль молчал, и граф вдруг заинтересовался этим молчанием, взгляделся в лицо своего собеседника пристальнее и перестал мучить подпругу.

– Хотя, – произнес Ламонтань задумчиво, – есть и иной путь. Почему бы тебе не избавить мою жену от страшного греха самоубийства? Ты ведь понимаешь, что это означает, наемник, не так ли?

– Конечно, – холодно сказал Даниэль, – но это стоит больше.

– Я не взял с собою больше золота, – раздраженно ответил граф. – Заберешь ее лошадь – эта кобылка стоит немалых денег, да и седло тоже. Такова будет плата за твою работу.

Даниэль скептически посмотрел на Айшу.

– Кобыла? Возможно. Но золото я люблю больше.

– Золота у меня нет. Либо соглашайся, либо отправляйся прочь.

– Меня устроил бы перстень, если камень на нем велик и ценен, конечно.

– Я не езжу по землям сарацин, украсившись сокровищами из заветного сундука, а родовое кольцо не отдам тебе, грязный наемник. Ну что, ты берешься, или я увожу кобылу?

Даниэль усмехнулся: граф торговался, как на рынке, куда там иерусалимскому купцу.

– Хорошо. Я беру лошадь и седло в уплату, хоть это и скудный дар за избавление вас от такой обузы.

– Она опозорила меня, – с отвращением произнес граф, – и об этом позоре никто не должен узнать. Если ты, наемник, посмеешь кому-нибудь рассказать о нашей сделке и о том, что случилось с леди Александрой, я отыщу тебя даже в аду, клянусь своей честью.

– Я уверен, что мы никогда более с вами не встретимся, – отвечал Даниэль с поклоном.

– Именно такой ответ я и желал услышать от тебя. – Ламонтань огляделся, воспользовавшись остатками стены как приступкой и взгромоздился на коня. – Прощай, наемник. И сделай все так, как оговорено, – помолчав, он добавил: – Пусть она умрет быстро.

Даниэль ничего не сказал на это, только лишь поклонился снова, и граф, развернув коня, направился к своему отряду. Даниэль стоял и смотрел, как рыцари перестраиваются, как в лучах жаркого солнца словно плаваются – и вот уезжают, исчезают, штандарт скрывается за холмом...

Уехали.

Даниэль не торопясь вложил кинжал обратно в ножны, постоял, задумчиво глядя вслед уехавшим, поднял кошелёк, а потом неспешно двинулся обратно. Теперь у него очень много времени, чтобы все как следует обдумать.

Леди Александра сидела на топчане, согнувшись. Даниэль подумал, что она, наверное, слышала все сказанное супругом, и ей страшно, и она ждет: вот сейчас наемник будет ее убивать.

Но тут она подняла на Даниэля глаза, полные страха и боли, – и он все понял.

Проклятие.

Глава 7

Рабиун

Пришлось все проделать заново – расседлать Джанана, впрячь его в повозку и отнести в нее на руках леди Александру. Она была так напугана и так слаба, что не могла ничего говорить, только тихо стонала.

– Моя госпожа, – сказал Даниэль, забравшись в повозку и став на колени рядом с женщиной, – вам не стоит бояться. Я отвезу вас в Рабиун, это большая деревня, там должна быть повитуха. Она поможет вам.

Леди Александра взглянула на него затуманенными болью, но по-прежнему прекрасными глазами; легкая улыбка тронула ее губы.

– А как же то, что велел тебе сделать мой супруг? Ты разве не убьешь меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.